

ОБ ОДНОМ ИЗ ВАРИАНТОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ

Интерес к изучению памятников салтово-маяцкой культуры харьковскими учеными естественен, ибо здесь находится Верхне-Салтовский археологический комплекс, давший название одной из богатейших археологических культур последней четверти I тысячелетия н. э. юга Восточной Европы. Не обошел салтовские памятники своим вниманием и патриарх харьковской археологии Б.А. Шрамко [1, с. 25–28; 2, с. 241–267; 3, с. 48–50]. Исследования салтово-маяцких древностей бассейна Северского Донца экспедициями под руководством Б.А. Шрамко в 1950–1960 гг. нашли отражения в его монографии 1962 года, где характеристике салтовской культуре был посвящен целый раздел [4, с. 265–292]. Характеристика погребального обряда раннесредневекового аланского населения бассейна Северского Донца в данной работе была дана на основе материалов раскопок катакомбных могильников у с. Верхний Салтов в 1946–1949 гг. под руководством С.А. Семенова-Зусера, в которых Б.А. Шрамко принимал непосредственное участие. Позже под руководством Б.А. Шрамко проводились и охранные работы на могильнике у с. Верхний Салтов. Так, в 1959 г. Б.А. Шрамко на Верхне-Салтовском главном могильнике исследовал разрушенное катакомбное

захоронение в обресе яра, содержавшее останки двух людей (женщины и ребенка) и достаточно богатый погребальный инвентарь. Исследователь посчитал, что разрушение костяков в погребальной камере исследованной катакомбы свидетельствует об ограблении в древности данного захоронения [5, с. 4, табл. I].

Дальнейшие исследования памятников Верхне-Салтовского комплекса продолжают ученики Б.А. Шрамко. Так, в 2010 г. на катакомбном могильнике у с. Верхний Салтов на склонах Нетечинского яра произвела свои работы совместная экспедиция Харьковского исторического музея (руководитель В.С. Аксёнов) и Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (руководитель В.В. Скирда). За время работ на могильнике было исследовано пять катакомбных захоронений (№ 102–106), материалам двух из них, характеризующих специфические черты погребального обряда аланского населения Подонья хазарского времени и посвящена данная работа.

Катакомба № 102 была обнаружена на «северном» исследуемом участке могильника. Пятно дромоса было зафиксировано на глубине 0,30 м (западный край) – 0,44 м (восточный край) от современной поверхности почвы. Дромос катакомбы был ори-

ентирован по склону оврага, по линии восток — запад с незначительным отклонением восточного конца к югу (азимут 106°). На уровне обнаружения пятно дромоса выделялось светло-серым цветом заполнения с зеленоватыми вкраплениями на фоне красно-коричневой материковой глины. Интересной особенностью дромоса данной катакомбы следует считать отсутствие в его восточной части хода повторного проникновения в погребальную камеру, как это было отмечено у большинства катакомбных захоронений на данном могильнике [6, рис. 1: 3; 2: 1; 4: 1, 3; 6: 1, 3; 7: 1, 4; 8: 1, 3; 9: 1, 3]. Из-за этого пятно дромоса на уровне фиксации имело в плане форму вытянутого прямоугольника (рис. 1: 1), тогда как для могильника характерны «булавовидные» очертания пятна дромоса. Длина пятна дромоса составляла 3,46 м, ширина в начальной западной части — 0,36 м, в восточной части — 0,44 м.

Дно дромоса было комбинированным: в начальной его части было зафиксировано семь ступенек, от последней ступеньки дно дромоса наклонно (под углом 6–8°) спускалось ко входу в погребальную камеру (рис. 1: 1). Длина ступенек колебалась от 0,15 до 0,47 м, высота — от 0,08 до 0,23 м. Глубина дромоса у входа в погребальную камеру составляла 2,74 м от современной поверхности почвы. В разрезе дромос имел бутылковидную форму: на уровне зачистки в восточной части ширина дромоса составляла 0,44 м, то у дна его ширина увеличивалась до 0,70 м.

Вход в погребальную камеру располагался в восточной торцевой стенке дромоса. Он выделялся гумусированным цветом своего заполнения на фоне зеленой материковой глины. Вход в плане имел арковидную форму (рис. 1: 2). Его высота составляла 0,46 м, ширина — 0,44 м. Глубина входа коридорчика равнялась 0,40 м. Со стороны дромоса был зафиксирован порожек высотой 0,05 м. В заполнении входа-

коридорчика была выявлена бронзовая литая бляшка поясного набора.

Погребальная камера поперечная по отношению к дромосу. В плане она имела форму прямоугольника с сильно закругленными углами. Размеры камеры — 1,70×1,23 м. Высота камеры составляла 1,1 м. Пол камеры фиксировался на глубине 3,05 м от современной поверхности. Свод камеры сохранился достаточно хорошо. Кости погребенного были присыпаны грунтом, попавшим в камеру через арочный вход (затек) и со свода в результате незначительного его обрушения. Пол камеры был опущен относительно дна входа в камеру на 0,17 м. Относительно длинной оси дромоса камера была асимметричной: влево от входа она тянулась на 0,96 м, вправо — всего на 0,74 м. В северной части камеры, на стенках и потолке, удалось зафиксировать следы мотыжки. По сохранившимся элементам можно сделать вывод, что потолок был сводчатым: над длинной осью камеры шло ребро, от которого потолок спускался к продольным стенкам камеры. Стены камеры были покрыты белыми известковыми отложениями.

В погребальной камере было совершено одиночное мужское (25–30 лет) захоронение. Анатомический порядок костяка погребенного был нарушен (рис. 2: 1). Череп погребенного был выявлен в 0,50 м от левой торцевой и в 0,20 м от дальней продольной стенки камеры. Интересно, что череп, вместе с нижней челюстью, был поставлен на своё основание и обращён лицевым отделом к правой торцевой стене камеры. Вплотную к затылочным костям был положен на ребро позвонок грудного отдела. На расстоянии в 5 см от черепа, ближе к центру камеры, фиксировались несколько костей в анатомическом соединении: правые лопатка, ключица и плечевая. Отмеченные кости находились на уровне пола *in situ*. Эпифиз правой плечевой кости располагался в 0,45 м от дальней продольной

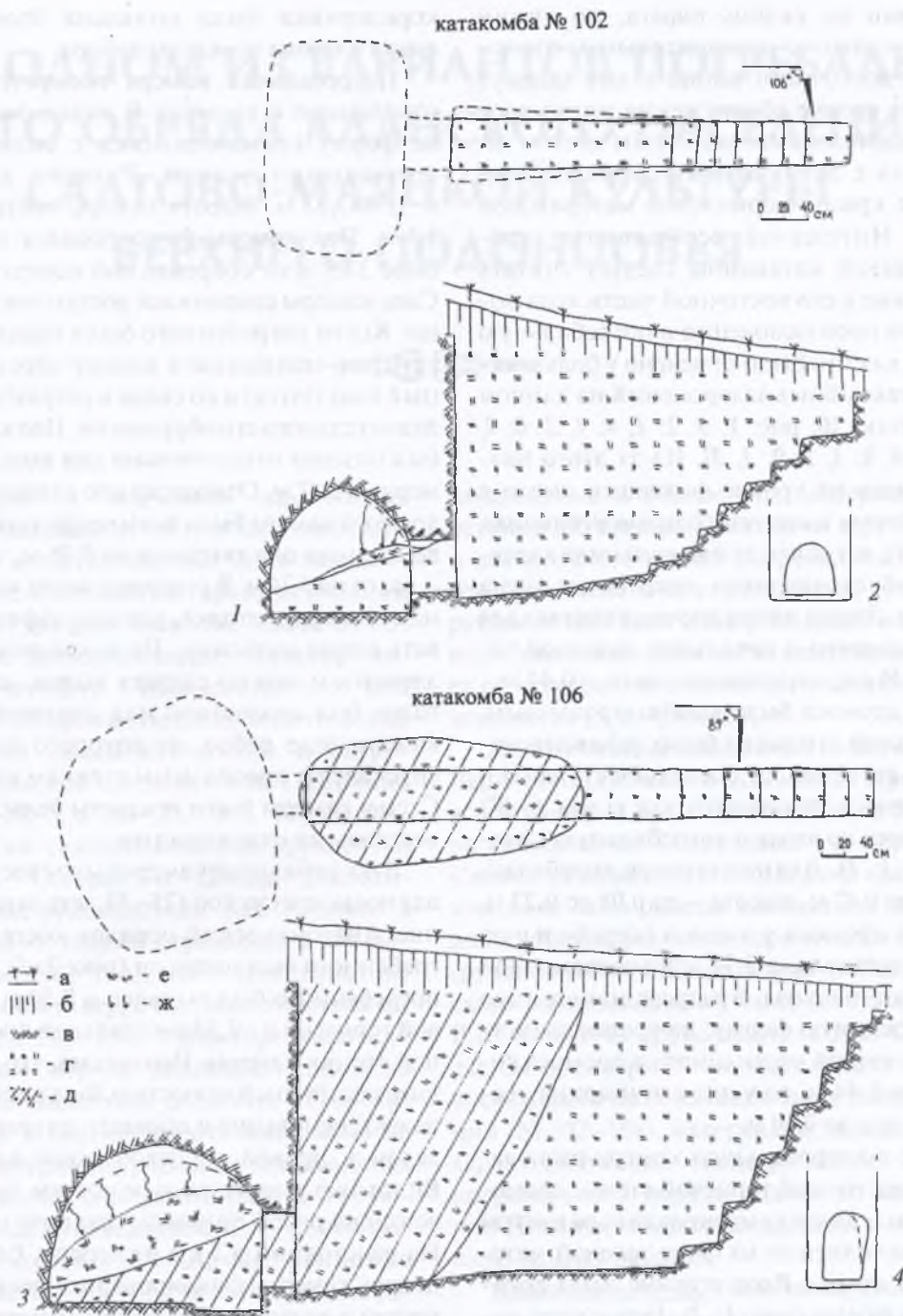

Рис. 1. Дромоса катакомб: 1 – № 102; 2 – № 106. а – дерновой слой; б – чернозем; в – материк (глина); г – заполнение не потревоженное перекопом; д – слоистое заполнение хода повторного проникновения в камеру; е – глина с обвалившегося свода поребальной камеры, ж – обвалившийся свод камеры.

стенки камеры, в 0,60 м от левой торцевой стенок. В 0,80 м от данного эпифиза (по направлению к правой торцевой стенке) располагались кости правой стопы. Интересно отметить, что дистальные концы обеих берцовых костей находились рядом, почти в правильном сочленении с костями стопы, в то время как проксимальные концы были разнесены (а у малой берцовой кости эта часть была обломана).

Между черепом и дистальным концом правой плечевой кости было расположено скопление позвонков, перекрытое одним концом левой ключицы. Нижний сустав указанной плечевой был перекрыт вертикально поставленной костью таза, в отверстие которой была вставлена правая локтевая кость. Это свидетельствует, что на момент нарушения анатомического порядка кости таза и рук уже были полностью освобождены от мягких тканей и сухожилий. Продолжая ось правой плечевой кости, ближе к правой торцевой стенке камеры располагалась правая бедренная кость с обломанным эпифизом и повреждённым дистальным суставом. Такие повреждения также свидетельствуют о значительном времени, прошедшем от совершения погребения до нарушения анатомического порядка костяка человека. Бедренная кость левой ноги лежала ближе к дальней продольной стенке камеры, её эпифиз почти вплотную примыкал к зубам, а проксимальный сустав был обломан в древности. Середина длины кости была перекрыта обломком таза, под самой костью фиксировалась большая берцовая той же (левой) ноги, ориентированная вдоль длинной оси камеры. Оба сустава большой берцовой истлели и были обломаны. Под бедренной и большой берцовой костями левой ноги располагалась плечевая кость левой руки. Состояние всех костей плохое, большинство позвонков и рёбер истлели, что объясняется, по-видимому, тем, что тело человека подвер-

галось процессу разложения, не будучи присыпанным грунтом.

При погребённом мужчине был обнаружен следующий инвентарь: под левой торцевой стенкой камеры наклонно лежало железное тесло-мотыжка (рис. 2: 2), обращенное рабочей частью ко входу. Среди костей, в районе таза погребённого, в 0,20 м выше пола находилась железная прямоугольная пряжка (рис. 2: 16). Здесь же также были зафиксированы остатки наборного поясного набора, представленного бронзовыми литыми бляшками трёх типов (рис. 2: 11–14). Наконечник пояса (рис. 2: 15) лежал параллельно правой бедренной кости со стороны входа в камеру. Пряжка от пояса была выявлена под окончанием локтевой кости правой руки (рис. 2: 10). Под правой локтевой костью правой руки, на середине ее длины, на полу камеры лежала бронзовая литая стержневидная пуговица с перехватом (рис. 2: 6). В 0,09 м южнее был найден сланцевый оселок с отверстием (рис. 2: 5), стоявший на ребре, в 0,12 – 0,18 м в том же направлении на уровне пола были выявлены кремень и железное пластинчатое кресало (рис. 2: 3, 4). Вероятно, указанные предметы (кресало и огниво) находились в сумочке, от которой сохранилась только стержневидная пуговица, тогда как оселок, по-видимому, был привешен к поясу отдельно. Вплотную к кресалу был выявлен железный нож в деревянных ножнах (рис. 2: 7). Нож лежал параллельно оселку, острием в правый дальний от входа угол. В 0,20 м к востоку от данного ножа был найден еще один нож с остатками деревянных ножен на лезвии, скрепленных бронзовой пластинчатой оковкой (рис. 2: 8). Возле поясной пряжки была выявлена сильно корродированная, разломанная на три части железная фибула (рис. 2: 9).

Погребальный инвентарь достаточно показателен — он соответствует походному набору вещей мужчин-воинов или

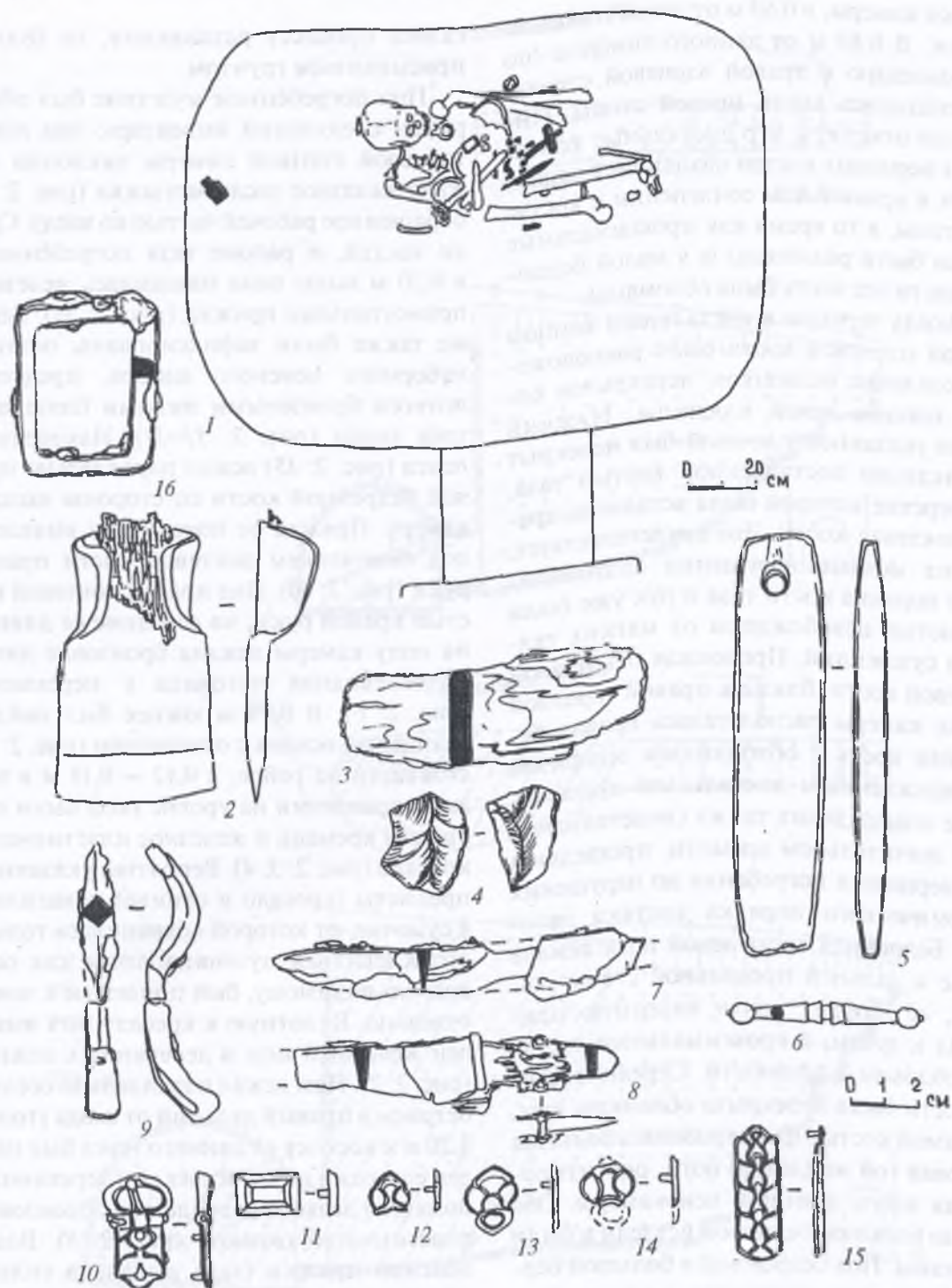

Рис. 2. Погребальная камеры и инвентарь катакомбы № 102. 1 – план камеры, 2 – мотыжка, 3 – кресало, 4 – кремь, 5 – оселок, 6 – пуговицы, 7, 8 – ножи, 9 – фибула, 10 – поясная пряжка, 11 – 14 – поясные бляшки, 15 – наконечник пояса, 15 – пряжка. 1 – 3, 7 – 9, 16 – железо; 4, 5 – камень; 6, 10 – 15 – бронза.

пастухов. Элементы поясной гарнитуры (пряжка, бляшки, наконечник пояса) (рис. 2: 10–15) находят широкие аналогии в поясных наборах характерных для II хронологического горизонта (по А.В. Комаму) классических салтовских древностей датируемого концом VIII (после 790 г.) — началом IX вв. [7, с. 130, табл. 4; 8, рис. 1: 8–9; 6: 15–18]. Не противоречит такой датировке и происходящая из захоронения железная фибула (рис. 2: 9). Подобные железные изделия — двухчленные фибулы с плавно изогнутой спинкой и низким пластинчатым приемником — встречены в основном в комплексах, датируемых второй половиной VIII — началом/серединой IX вв. Так, подобные железные фибулы с ромбической в сечении спинкой найдены в ряде кремационных захоронений (погр. № 57, комплекс XV) могильника Сухая Гомольша [9, рис. 17: 17; 80: 4]. За пределами Подонья аналогичная фибула встречена в кремационном погребении № 24 могильника: Дюрсо [10, рис. 4: 7]. Типологически подобные фибулы с разным (прямоугольным, квадратным и др.) сечением спинки характерны для ингумационных и кремационных комплексов второй половины VIII — первой половины IX вв. Подонья (Кочеток, Тополи, катакомбы №№ 36, 81, 116, 118, 143, 155 Дмитриевского могильника) [11, рис. 1: 16; 12, рис. 31: 1; 13, рис. 59], Северо-Западного Предкавказья (могильники Молдавановский, Казазово, Борисовский, Старокорсунский) [14, табл. V: 22–25; 15, рис. III: 4; 16, рис. 2: 17; 3: II; 17, рис. 8: 47]. Фрагменты фибулы данного типа были обнаружены в катакомбе № 55 Верхне-Салтовского IV могильника [18, с. 66, рис. 1: 26], в катакомбе № 1 Рубежанского могильника [19, с. 69, рис. 4: 13].

Таким образом, судя по инвентарю, захоронение в катакомбе № 102 было совершено в конце VIII — начале IX вв.

Интерес представляют в данном случае останки погребенного человека, рас-

полагавшиеся в дальней от входа половине камеры, при этом пространство около входа так и осталось не заполненным. Судя по состоянию костяка, нарушение анатомического порядка произошло через значительное время (не менее 1–1,5 лет) после совершения погребения, когда кости освободились от мягких тканей. При перемещении костей связки уже не удерживали кости в анатомическом сочленении. Расположение костей правой стопы вместе с дистальными концами берцовых костей можно объяснить наличием обуви. В то время как мягкие ткани и сухожилия на коленном суставе истлели, и он распался, стопу в анатомическом порядке продолжала удерживать обувь. Костяк мужчины составлял относительно компактную кучу у торцевой стенки, напротив входа в погребальную камеру. При этом положение черепа, длинных костей ног и рук в некоторой степени моделируют характерную для могильника позу покойников — вытянуто на спине, головой влево от входа. Особенно показательным является более чем бережное отношение к черепу погребенного мужчины. В захоронениях с явными следами проведения постпогребальных обрядов зачастую нижняя челюсть отделяется от черепа, и они оказываются в разных частях камеры [6, рис. 1: 3; 2: 4; 3: 2, 4; 5: 2; 6: 4]. Отсутствие хода повторного проникновения в данную камеру, перекрывание костных останков грунтом, попавшим в камеру из дромоса, схожесть (по составу, консистенции и структуре) грунта попавшего в камеру из дромоса и грунта первоначального заполнения дромоса свидетельствуют о том, что, по-видимому, останки умершего мужчины были помещены в погребальную камеру уже в полуистлевшем виде. Погребальный инвентарь был найден на свойственных ему местах (тесло-мотыжка у стены, поясной набор, набор для добывания огня в районе пояса погребенного). Личные вещи умер-

шего мужчины были помещены вместе с ним в камеру катакомбы № 102, ибо, как справедливо рассуждает В.С. Флёров, они были, по-видимому, просто табуированы [20, с. 84]. Хотя в аланских захоронениях V–VIII вв. со сваленными костями в относительно компактные груды вещей, как правило, нет [20, с. 84]. Подобная ситуация с вещами отмечена и в аланских катакомбных захоронениях Подонья (катакомба № 16 Старосалтовского могильника) [8, рис. 6: 20].

Исходя из всего выше сказанного, можно предположить, что мужчина умер/погиб где-то далеко от родных мест (Верхнего Салтова). Спустя значительный промежуток времени (год или более) его останки были доставлены на родовое кладбище и погребены в соответствии с погребальными обычаями аланского населения верхнего Подонья. Подобная практика, доставки и погребения на родовом кладбище умерших во время сезонных перекочевок или военных походов, известна у многих народов мира. Не исключено, конечно, что умерший мужчина мог быть первоначально похоронен в другой катакомбе на этом же могильнике или даже в другом месте, а перенесение его останков в новую катакомбу было связано с какими-то неординарными для его живых родственников событиями. Перенесение/перезахоронение костей погребенного, как вариант подзахоронения, зафиксирован В.С. Флёровым у аланского населения оставившего могильник Клин-Яр III на Северном Кавказе [20, с. 158–160].

При сравнении катакомбы № 102 с одинокими мужскими не потревоженными в древности захоронениями могильника (например: кат. № 36) [6, с. 109, рис. 1: 2], в рассматриваемом погребении отсутствует только сосуд и мясная жертвенная пища в виде костей крупного рогатого скота. Вероятно, на момент совершения захоронения необходимость присутствие их в

погребальной камере уже отпала. Завершившийся, по мнению родственников, переход из мира живых в мир мертвых умершего мужчины, по-видимому, исключил за ненадобностью помещение в захоронение жидкой (в сосуде) и мясной жертвенной пищи.

Для подтверждения наших выводов о специфике захоронения в катакомбе № 102 сравним его с катакомбой № 106, в которой присутствуют наиболее яркие признаки проведения постпогребальных обрядов, а именно: наличие, подтвержденного стратиграфически, входа повторного проникновения в погребальную камеру; разрушение скелета погребенного человека, при котором разрозненные кости находятся не только на полу камеры, но и в ее заполнении, т.е. на разных уровнях.

Катакомба № 106 была исследована на «ожном» участке могильника. Пятно дромоса было зафиксировано на глубине 0,34 м (западный край) – 0,54 м (восточный край) от современной поверхности почвы. Дромос ориентирован по склону оврага почти по линии восток – запад (азимут 89°). На уровне обнаружения пятно дромоса имело характерную булавовидную форму из-за наличия в восточной оконечности хода повторного проникновения (рис. 1: 3). Заполнение хода повторного проникновения характеризовался пластичностью и своим темным цветом, объясняющимся наличием большого числа гумусированных включений. Начальная часть дромоса, имевшая прямоугольные в плане очертания и не потревоженный ходом повторного проникновения, выделялась на фоне материка только мелкими вкраплениями черного цвета. При размерах пятна дромоса 5,0×0,4 м (в западной, не потревоженной перекопом, части) ход повторного проникновения занимал больше половины его длины – 2,49 м – и имел наибольшую ширину 1,11 м.

Дно дромоса оказалось комбинированным: в его начальной части зафиксировано шесть ступенек, от последней ступеньки дно дромоса под небольшим наклоном (угол наклона равнялся 1–7°) спускалось ко входу в погребальную камеру (рис. 1: 3). Длина ступенек колебалась от 0,22 до 0,36 м, а высота — от 0,18 до 0,45 м. Глубина дромоса у входа в погребальную камеру составляла 3,25 м. К своему дну дромос незначительно расширился: если на уровне зачистки в восточной части первоначальная ширина дромоса, нарушенная ходом повторного проникновения, составляла 0,45 м, то у дна она равнялась 0,60 м. На дне нетронутой части дромоса выявлен обломок салтовского столового кувшина в виде фрагмента тулова с горизонтальными каннелюрами в месте наибольшего расширения.

Вход в погребальную камеру располагался в восточной торцевой стенке дромоса. Заполнение входа выделялось своим цветом и плотностью на фоне желто-коричневой материковой глины. При этом нижняя половина пятна входа имела цвет материковой желто-коричневой глины, однако менее плотной и с небольшими гумусированными включениями, в то время как верхняя половина пятна была значительно более темным грунтом. Вход первоначально был арковидной формы, однако со временем он приобрел некоторые конструктивные особенности (рис. 1: 4). При высоте 0,60 м вход имел ширину в нижней своей части 0,33 м, а в верхней (гумусированной) — 0,38 м. Подобная форма, вероятно всего, была придана входу во время повторного проникновения. Длина входа-коридорчика по северной его стенке равнялась 0,28 м, по южной — 0,34 м. Со стороны дромоса фиксировался порожек высотой 0,05 м.

Камера поперечная по отношению к дромосу, в плане четырехугольная с сильно скругленными углами (рис. 3: 1).

Длинная ось камеры не перпендикулярна длинной оси дромоса. Размеры камеры — 1,98×1,84 м, высота камеры реконструируется как 1,43 м. Внутреннее пространство камеры было заполнено грунтом, попавшим сюда, во-первых, через арочный вход и, во-вторых, с потолка камеры в результате неоднократных обвалов свода. Дно камеры находилось на 0,19 м ниже дна входа-коридорчика. При этом в дне погребальной камеры имелась такая конструктивная деталь, как ниша-углубление у самого входа в камеру. Углубление в дне камеры имело в плане вид прямоугольника размером 1,38×0,57 м и глубиной 0,06 м. Ниша была ориентирована своими длинными сторонами вдоль длинной оси камеры. Дно камеры, по центру её, находилось на глубине 3,50 м от современной поверхности почвы.

В камере было совершено одиночное захоронение, принадлежавшее мужчине 25–30 лет. Анатомический порядок костяка погребенного носил следы преднамеренного нарушения (рис. 3: 1). Череп, лежавший на левом боку лицевым отделом к стенке, затылочными костями ко входу, был обнаружен в левой половине камеры, у торцевой стенки. В левом дальнем от входа углу было обнаружено скопление костей, состоявшее из лопатки, перекрытой бедренной костью левой ноги, ключицы, двух грудных позвонков. При этом бедренная кость лежала эпифизом к центру камеры, дистальным концом к углу камеры. Возле этого скопления лежала также плечевая кость с обломанным эпифизом. Ближе к центру камеры, в 0,50 м от левой торцевой стенки, лежали кости таза, каждая из которых была перекрыта костями предплечья правой руки: ближе ко входу в камеру располагалась лучевая, дальше — локтевая кость правой руки. В 0,10 м от костей таза ближе ко входу было выявлено скопление зубов человека и несколько позвонков грудного и поясничного отделов.

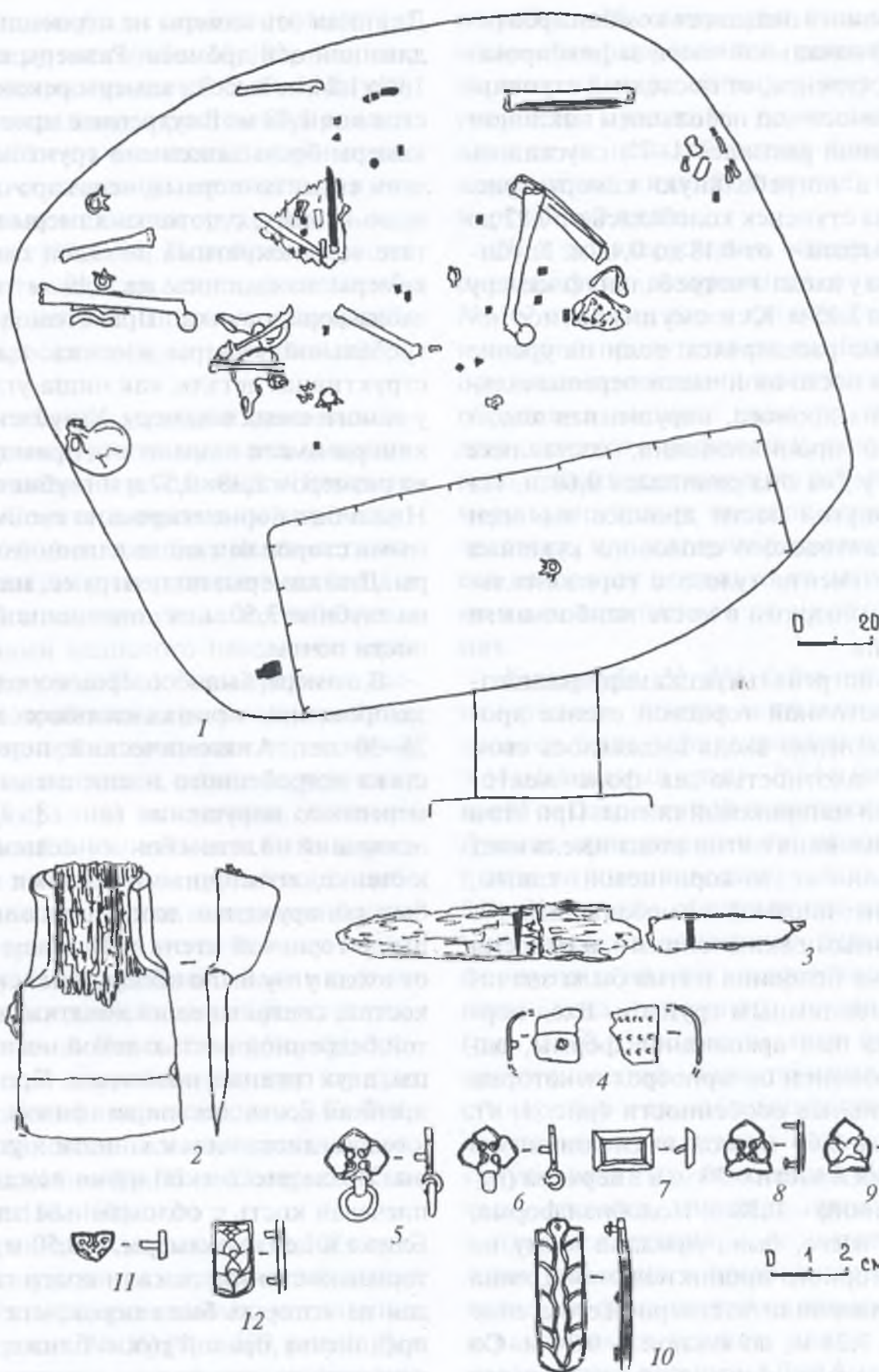

Рис. 3. Погребальная камера и инвентарь катакомбы № 102. 1 – план камеры, 2 – мотыжка, 3 – нож, 4 – оковка ножен ножа, 5 – 9 – поясные бляшки, 10 – наконечник пояса, 11 – бляшка от обувного ремешка, 12 – наконечник обувного ремешка. 2, 3 – железо; 4 – 10 – бронза; 11, 12 – свинцово-оловянистый сплав.

Посередине камеры была выявлена вторая плечевая кость с обломанным эпифизом. Между этой костью и торцевой стенкой камеры были выявлены: обломанная с обоих концов лучевая кость левой руки, покоившаяся на слое бересты треугольной формы размером 0,22×0,25 м (сумочка?), и локтевая кость этой же руки. В правой половине камеры были обнаружены пяточная кость, бедренная кость правой ноги, которая дистальным концом перекрывала анатомически соединённые берцовые кости правой ноги. Берцовые кости левой ноги в анатомическом порядке параллельно задней торцевой стенке камеры. Однако они были выявлены в заполнении камеры на высоте 5 см над уровнем пола и, кроме того, были перевернуты. В непосредственной близости от эпифиза правой бедренной и дистальных концов правых берцовых костей располагались отброшенные сюда крестец и нижняя челюсть, перевернутая зубами к полу. У правой боковой стенки были зафиксированы разрозненные и смещенные кости стоп обеих ног. В заполнении ниши у входа найден один из позвонков поясничного отдела.

Среди костей погребенного на полу камеры был выявлен следующий инвентарь: остатки поясного набора в виде литых бронзовых бляшек трех типов (прямоугольно-рамчатые, сердцевидные, бляшки с подвижным колечком) (рис. 3: 5–9) и литого бронзового поясного наконечника (рис. 3: 10); литые бляшки и наконечники из оловянисто-свинцовистого сплава от ремней обуви (рис. 3: 11–12); железная мотыжка (рис. 3: 2); нож в деревянных ножнах (рис. 3: 3–4).

По элементам поясной гарнитуры (рис. 3: 5–9), которые типологически схожи с металлическими деталями пояса из катакомбы № 102 (рис. 2: 11–15), данное захоронение может быть датировано также концом VIII (после 790 г.) — началом IX вв.

Разрушение костяка в катакомбе № 106, в отличие от катакомбы № 102, произошло при повторном в нее проникновении, о чем свидетельствует присутствие в дромосе позднейшего вкопа. Проникновение в камеру было осуществлено спустя значительное после совершения погребения время: связки сохраняли анатомическое соединение костей только в лодыжках обеих ног, в то время как все остальные кости распались. Вероятно, время повторного проникновения можно определить как год-полтора после захоронения. Отсутствие в камере некоторых позвонков и малое количество выявленных ребер, вероятно, можно объяснить как условиями, сложившимися в камере, так и возможным изъятием некоторых костей из погребальной камеры. Преднамеренное изъятие отдельных костей из камер наиболее четко зафиксировано на могильнике Клин-Яр III [21, с. 159–160]. Проникновение в камеру, судя по расположению костных останков погребенного и набору погребального инвентаря, носило ритуальный характер. Именно для ритуально разрушенных захоронений раннесредневековых алан Северного Кавказа характерно преднамеренное отделение нижней челюсти от черепа, разбрасывание костей скелета по полу, изъятие из захоронения, с последующим разбитием, керамических сосудов, при сохранении основного сопровождающего инвентаря, представленного в основном личными вещами умерших (украшениями, деталями одежды) [21, с. 140].

Материалы двух представленных погребений показывают, что нарушение анатомического костяка в погребальных камерах катакомбных захоронений аланского населения Подонья хазарского времени не всегда связано с проведенными в древности какими-то постпогребальными действиями ритуального характера. В некоторых случаях, как это видно на приме-

ре захоронения в катакомбе № 102, останки человека, вероятно, умершего/убитого вдали от места проживания, могли быть доставлены на родовую некрополь спустя

достаточно продолжительное время и погребены в соответствии с погребальными обрядами аланского населения салтово-маяцкой культуры.

Литература

1. Хоружа М.В. Дослідження салтівських пам'яток на Харківщині у другій половині 40 – 50-х рр. XX ст. // Восьмі Сумцовські читання. Збірник матеріалів наукової конференції, присвяченої 100-річчю XII Археологічного з'їзду. – Харків, 2003.
2. Шрамко Б.А. Кераміка салтівської культури // Ученые записки ХГУ. – 1959. – Т. 100. – Труды историчного факультету. – Т. 7.
3. Шрамко Б.А. Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983.
4. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков, 1962.
5. Шрамко Б.А. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции Харьковского госуниверситета в 1959 г. – Харьков, 1960. – 48 с. // Архив МАЭСУ. – Ф.1, 01., Д. 10а.
6. Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. – 2002. – № 3.
7. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. – 1999. – № 2.
8. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antiqua. – 1999. – № 2.
9. Аксёнов В.С., Михеев В.К. Население Хазарско-го каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // Хазарский альманах. – Киев–Харьков, 2006. – Т.5.
10. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов. – М., 1982.
11. Десярь А.К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. – 1984. – № 2.
12. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. – 1951. – Т. XLІ.
13. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989.
14. Саханев В.В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК. – 1914. – Вып. 56.
15. Тарабанов В.А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. – Ейск, 1992.
16. Тарабанов В.А. Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году // Древности Кубани. – Краснодар, 1999. – Вып. 14.
17. Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани // СА. – 1987. – № 4.
18. Аксенов В.С. Исследование Верхнесалтовского IV катакомбного могильника // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. – К., 2001.
19. Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. – 2001. – № 1–2.
20. Флёров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. – М., 2000.
21. Флёров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. – М., 2007.